

Ван Шэншэн провела рукой по каждой из сумок и тихо произнесла:

— Моя мама умерла рано, папа был слишком занят бизнесом и не мог уделять время мне и моей сестре, поэтому каждый год на день рождения он покупал нам по сумочке. Он дарил их больше двадцати лет, но в этом году я, наверное, уже ничего не дожусь.

Огонек сигареты в руке Ли Цзиньвэй поник, и лишь струйка белого дыма медленно поднималась вверх под тусклым теплым светом лампы.

— После смерти сестры все сумки достались мне. В комнате хранится больше сотни сумок разных брендов и фасонов, порой я и сама не могла их сосчитать. — Ван Шэншэн выдохнула, рассеивая сигаретный дым. — Тебе доводилось жить в доме площадью в тысячу квадратных метров? Когда вокруг, кроме дворцового, ни души, и такая тишина, что кажется, будто слышно, как бегут облака по небу.

Ли Цзиньвэй смягчила голос:

— Тогда почему ты привезла с собой так мало?

Ван Шэншэн ответила:

— Дом опечатали, имущество конфисковали. Удалось сохранить лишь то, что хранилось у Оу Цзяхао.

Ли Цзиньвэй спросила:

— Кто такой Оу Цзяхао?

— Мой жених, — ответила Ван Шэншэн.

— ?! — Ли Цзиньвэй снова вскинула сигарету. — Бывший парень, значит?

Ван Шэншэн пожала плечами:

— Брак по расчету в высшем обществе, каждый преследует свои цели. Мы виделись-то от силы раз пять. Чтобы задобрить мою семью, они купили квартиру в центре в знак искренности и предложили нам сперва съехаться, чтобы присмотреться друг к другу. Не прошло и полугода, как все рухнуло. Когда пришли новости, я как раз путешествовала за границей, а когда вернулась, на парадной двери уже висели печати. Пришлось ехать в ту квартиру в центре, и там выяснилось, что Оу Цзяхао даже вещи за меня собрал. Сам-то он и копейки чужой не взял: одежда, сумочки, косметика — все на месте, словно стремился вычистить из дома все до крупички, чтобы от меня и следа не осталось.

Глаза девушки, густо накрашенные тушью, испуганно захлопали, а тень упала на переносицу, придавая лицу угрюмое, тусклое выражение.

Ли Цзиньвэй молча уселась на пол, поджав ноги:

— И ты вот так просто ушла? Ничего не стала с ним делить? На тебя не похоже.

Ван Шэншэн усмехнулась:

— Уважение в высшем свете держится на власти. Стоит лишиться опоры, как все тут же толпой навалится на тебя, чтобы добить. Ты не знаешь, потому что сама через это не проходила, но я видела такое с самого детства и прекрасно понимаю, что места для маневра не осталось.

Мир роскоши и праздности кажется насквозь фальшивым и суетным, но на деле он невероятно жесток: сделки с деньгами, сделки с телом — здесь всё это в порядке вещей.

Ли Цзиньвэй была с этим отчасти знакома — «Инновационный ураган» тоже представлял собой замкнутый в кольцо микромир, куда многие приходили лишь за тем, чтобы сбежать от реальности.

— Раз так, какого черта ты устраиваешь капризы избалованной девчонки? — она заметила логическую несостыжку и, помахивая сигаретой, бросила: — Горбатого могила исправит?

Ван Шэншэн тут же взвилась:

— Собака лает — караван идет! Я просто не могу смириться с болью от падения с ве... с высоты!

Она едва не выпалила слово аристократия, но в последний момент прикусила язык.

Ли Цзиньвэй подняла на нее взгляд:

— Если сперва избавишься от этой своей напыщенности, считай, наполовину преуспела. А оставшееся, что нужно искоренить — это устаревшие классовые предрассудки.

Единственная маленькая лампочка в комнате освещала их обеих. Если смотреть со стороны Ван Шэншэн, эта лампочка отражалась в глазах Ли Цзиньвэй двумя яркими звездочками.

Ее персиковые глаза от природы должны были выглядеть соблазнительно, но брови, нос и сами черты лица Ли Цзиньвэй были настолько мужественными, что полностью преображали взгляд, придавая ему чеканную, резкую выразительность. Это отлично гармонизировало с ее характером — твердым и решительным.

— На самом деле, мне просто обидно до глубины души, — Ван Шэншэн последовала примеру собеседницы и уселась прямо на пол, вытянув ноги. — До чего же несправедлива судьба! Почему это случилось именно с моей семьей?

Подол платья распустился на бедрах, обнажив стройные и изящные икры. Ли Цзиньвэй с

трудом подавила порыв протянуть руку и коснуться их, а вслух произнесла:

— С одной стороны, ты рассуждаешь прагматично и не можешь избавиться от высокомерия высшего света, а с другой — прекрасно понимаешь, что выхода нет. Если ты действительно хочешь смириться с ударом судьбы, сделай первый шаг.

— Какой шаг? — насторожилась Ван Шэншэн.

Ли Цзиньвэй кивнула на чемоданы:

— Продай их.

Ван Шэншэн разом лишилась дар речи.

Эти сумки были для нее и последней опорой, и обломками рассеявшегося прахом бывшего величия, руинами, укрытыми за золотым блеском. Пусть разрушенными, но некогда дававшими ей ощущение уюта и безопасности.

По правде говоря, расставаться с ними ей было невыносимо жаль.

Ли Цзиньвэй не стала добивать ее расспросами — лишь затушила сигарету, поднялась, взяла полотенце и направилась в ванную. Пройдя полпути, она обернулась, резко сменив тему:

— Кстати, ты же Лев по гороскопу? Какое число?

Ван Шэншэн не сразу сообразила и растерянно ответила:

— Девятое августа. А что? Ты кто по знаку?

— Да так, ни к чему, — бросила Ли Цзиньвэй. — Я тридцать первого июля. И по датам, и по году рождения я старше тебя. Называй меня сестрой — так и быть, подумаю о том, чтобы повысить тебе зарплату.

Еще чего! Ван Шэншэн упрямо вздернула подбородок:

— Тетенька!

— Зарплаты лишишься.

— Я пойду жаловаться в трудовую инспекцию!

— Перед этим не забудь продать сумки, а то боюсь, у тебя даже на такси денег не останется.

— И не мечтай! Скорее меня самой продадут, чем я расстанусь со своими сумками!

Ли Цзиньвэй без всякой видимой причины вдруг захотелось рассмеяться, но смех застрял в

горле — скривив губы, она с большим трудом взяла под контроль мышцы лица:

— Ты и впрямь себя продала. В контракте черным по белому написано: пять лет. Ты же сама, хоть и утверждала, что закон этого не признает, подписала его своей рукой. Никогда не слышала фразу, что все права на толкование принадлежат организатору?

Тут Ван Шэншэн окончательно потеряла терпение и бросилась на нее с кулаками:

— Ли Цзиньвэй, ты совсем с ума сошла?! Серьезно думаешь, что этим сможешь меня привязать?

Ли Цзиньвэй перехватила ее одной рукой, держа за шиворот, словно цыпленка, и отбросила в сторону:

— Слово «привязывать» обычно к собакам применяют.

— Да пошла ты! — Ван Шэншэн отчаянно замахала руками и ногами, но от ее ударов толку было меньше, чем от усилий одной руки Ли Цзиньвэй, и в итоге она лишь растрепала волосы и выбилась из сил.

Ли Цзиньвэй тут же отпустила ее:

— Совсем как маленькая.

Ван Шэншэн воспользовалась моментом и пошла на таран, с размаху врезавшись в нее головой.

У входа в ванную был небольшой порожек, чуть выше обычного. Ли Цзиньвэй, заходя и выходя из комнаты, часто задевала его носком обуви, потому что ей было лень поднимать ноги повыше. Из-за этого неожиданного выпада обе потеряли равновесие.

Понимая, что они сейчас врежутся прямо в раковину, Ли Цзиньвэй проявила чудеса реакции: она сгребла девушку в охапку, успев развернуться в полете, и они рухнули прямо под душевую лейку, а спиной нечаянно задели выключатель водонагревателя.

Потоки воды хлынули из лейки сверху, взметнув облако горячего пара. Ван Шэншэн, уткнувшись лицом прямо в грудь Ли Цзиньвэй, от неожиданности полностью отключилась.

Ей редко доводилось так близко соприкасаться с посторонними людьми. После смерти Ван Шэнси никто больше не обнимал ее вот так.

На мгновение ей показалось, что тело Ли Цзиньвэй так же податливо, как у Ван Шэнси — крепкое, округлое и полное сил, готовое чуть прогнуться под прижатым к нему лицом.

Оказывается, даже столь волевой и решительный человек может быть таким мягким.

Сама же Ли Цзиньвэй приложилась о пол слишком сильно и теперь лежала внизу, приняв на себя весь удар. Ее спина горела огнем, в ушах звенело, и от резкой боли она едва не потеряла

сознание.

Но эта вредная девчонка, назло всему миру, даже не думала сдвинуться с места, продолжая вцепляться пальцами в ее воротник.

— Ты... — Ли Цзиньвэй с трудом приподнялась на локтях и увидела, что пушистая макушка маслянисто-желтого оттенка уткнулась ей прямо в грудь. То ли от горячей воды, то ли еще от чего-то воротник ее рубашки промок насквозь.

Сидящая на ней Ван Шэншэн головы не поднимала, но ее платье насквозь пропиталось водой и теперь предательски обтягивало тело, очерчивая все изгибы.

Лишившись пышного кринолина лолиты, девушка казалась хрупкой и утонченной, а ее талия была такой узкой, что, казалось, ее можно запросто обхватить двумя ладонями.

Разумеется, это было лишь визуальное впечатление, но от него внизу живота Ли Цзиньвэй вспыхнуло жаркое пламя, поднимаясь все выше и обжигая самые кончики волос. Ей безумно хотелось протянуть руку и проверить свои догадки, но она с титаническим усилием заставила себя усмирить собственные пальцы.

Сдерживаться означало немедленно разорвать дистанцию. Ощущая, как температура ее тела стремительно приближается к опасной отметке, Ли Цзиньвэй толкнула затылок притихшей девчонки:

— ...Вставай уже.

Она попыталась, как и раньше, поднять ее за шиворот, но едва ее кончики пальцев коснулись волос, девушка вдруг всхлипнула.

Этот тихий, невольный стоп-кадр сломил последние остатки сопротивления Ли Цзиньвэй.

Ее рука переместилась с прядей на макушку, и влажная ладонь легла туда легко-легко, словно осенний лист.

Это было мягкое и одновременно надежное прикосновение.

Ван Шэншэн больше не могла сдерживаться, и слезы вместе с потоками горячей воды смешались в единое целое, впитываясь в волокна одежды Ли Цзиньвэй.

— Сестренка... — пробормотала она. — Сестренка...

Ли Цзиньвэй на секунду опешила и нахмурилась:

— Как ты меня назвала?

Ван Шэншэн словно потеряла рассудок и ничего не ответила.

— Тебя уже три месяца нет в моих снах.

— Я так скучаю по тебе... И по маме, и по папе.

— У меня совсем ничего не осталось.

Ли Цзиньвэй потребовалось секунд пять, чтобы припомнить главную причину такого состояния Ван Шэншэн — судя по всему, виной всему были те две баночки пива за ужином.

Не умеешь пить — не берись! К чему было хорохориться?

— Кто сказал, что ничего не осталось? — она все же заставила ее подняться, приподняв за плечи. — А сумки? Разве те брендовые платица дешево стоят? Да и контракт на пять лет никуда не делся. Пока ты в «Инновационном урагане», неужели я стану тебя обижать?

Лицо Ван Шэншэн было то ли в слезах, то ли в воде, тушь окончательно размазалась, и под глазами залегли черные тени, будто она не спала несколько лет.

Стоило ей открыть рот, как полилась привычная ересь:

— Ты собака что ли? Драконовские условия контракта называешь не обижать?

Жаркое пламя, бушевавшее в груди Ли Цзиньвэй, мгновенно погасло. Сжав зубы до боли в челюсти, она оттолкнула от себя прилипчивую девицу:

— Убирайся! Да ты же меня раздавила!

Ван Шэншэн гордо выпрямилась:

— Это лишь доказывает, что ты слабачка.

Ли Цзиньвэй едва не задохнулась от смеха:

— Кто слабачка?

— Ты. Я вешу всего сорок килограммов, а ты говоришь, что я тебя раздавила?

— ...

Возразить было нечего. Ли Цзиньвэй протянула руку и выключила продолжавший шуметь душ. Одно резкое движение отозвалось тупой болью в поврежденной спине, и эта вспышка боли мгновенно прояснила голову. Охваченная яростью, она принялась выгонять непрошеную гостью:

— Вон отсюда!

Ван Шэншэн склонила голову набок:

— У тебя на спине...

Ли Цзиньвэй шарила рукой сзади и нащупала ладонь, испачканную кровью.

— ...Черт!

Она резким движением поднялась на ноги:

— Живо катись отсюда, я буду мыться.

Но платье Ван Шэншэн было слишком тяжелым и громоздким. Она пыталась подняться несколько раз, но безуспешно, и ей стало так неловко, что она буквально вжалась пальцами ног в пол:

— Ты поможешь мне встать или нет?!

Ли Цзиньвэй в упор смотрела на нее, а спустя долгое время процедила сквозь зубы три слова:

— Настоящая катастрофа.

Затем протянула руку, рывком подняла девушку и выставила за дверь.

— Ой-ой-ой, я же вся мокрая... — заломив руки, запричитала та, пытаясь сопротивляться.

Ли Цзиньвэй, не говоря ни слова, захлопнула дверь, развернулась к зеркалу и со злостью откинула со лба прилипшие пряди.

Ей отчаянно хотелось заставить Ван Шэншэн переодеться в другую одежду — стоило той сделать хоть движение во влажном платье, как ткань начинала обтягивать каждый изгиб ее тела, заставляя нервы Ли Цзиньвэй искрить, словно короткое замыкание в проводке.

Однако сразу после душа ее ждало еще более искустельное зрелище.

Госпожа Ван сидела на стуле, облаченная лишь в самый легкий и минималистичный нижний комплект одежды, и невозмутимо играла в телефон.

У Ли Цзиньвэй кровь отхлынула от головы, в мозге гроыхнули молнии, а перед глазами на секунду всё поплыло.

— Ты уже помылась? Теперь моя очередь?

Ван Шэншэн не видела в своем виде ничего предосудительного. Белоснежные кружевные лямки поддерживали две не менее белоснежные мягкие полусферы, которые при каждом ее движении тяжело и соблазнительно покачивались.

У Ли Цзиньвэй от боли и напряжения задрожали пальцы. Совсем потеряв голову, она рывкнула на весь коридор:

— Ты что творишь?!

Ван Шэншэн испуганно вздрогнула:

— В смысле что? Мыться иду!

— ...Мыться? В таком виде?!

— Вот глупости. А кто в одежде моется?

Ладно, ладно, ладно. Ли Цзиньвэй уперлась руками в косяк двери, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли. Сначала ее размягчили воспоминания, потом заставило трепетать это нелепое обращение «сестренка», а теперь... теперь на ней не осталось даже того минимума одежды, что был раньше.

Она сжала пальцы в кулаки, остановила проходившую мимо девушку и сквозь зубы процедила:

— Похоже, тебе действительно нужно получше узнать... меня.

<http://bllate.org/book/22059/2293714>